

Г. А. Гаджиев¹

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Понятие «государственность» выражает потребность в процессе философско-правовой рефлексии выйти за пределы чисто юридического, кельзеновского понимания природы государства. При таком подходе к государству, который характерен для русской философии права, оно рассматривается в исторической перспективе как законный наследник иных государств, их государственных традиций. Если характеризовать научные методы, с помощью которых обосновывается русская государственность, то можно утверждать, что тут преобладает некий синкретический подход, не чуждый интуиции и даже мистики.

Ясно, что это противоположность аутопойетической теории, когда право, государство рассматриваются как создающие самих себя².

Основа для такого «наследственного» подхода имеется. Русская государственность — это форма политической организации одного из самых многочисленных народов на земле, и ее история, имея в виду принцип континуитета, — «длиннейшая в европейской истории государственности»³.

Русская государственность объективно существует как часть бытия, поэтому, отражая ее, сложилась специфическая русская модель философии государства, созданная К. Кавелиным, Б. Чичериным, Вл. Соловьевым, Н. Бердяевым, В. В. Библихиным и многими другими.

В. В. Библихин был убежден, что как характер человека, так и черты государства более стабильны, чем это может показаться, причем на протяжении веков⁴.

Так, В. В. Библихин кратко формулирует в русской государственности то, что мы считаем принципом континуитета. Вслед за английским историком Арнольдом Тойнби В. В. Библихин убежден, что многие черты российской государственности унаследовала от Византии. А. Тойнби писал о том, что это только кажется, что советская власть распрощалась с прошлым. Не так-то просто отрешиться от собственного наследия. «Когда мы пытаемся отбросить прошлое, оно исподволь возвращается к нам в завуалированной форме», — писал Гораций. А Расул Гамзатов говорил, что если вы-

стрелить в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки.

Россия вестернизировалась при Петре, при Ленине и в 1990-е годы, но не приблизилась к западной цивилизации, а осталась тем, чем была почти тысячу лет, и принадлежит к совершенно другой цивилизации, византийской. Вестернизация проходит не для того, чтобы слиться с Западом, а, наоборот, чтобы обособиться от него⁵.

По словам А. Тойнби, «после захвата Константинополя турками в 1453 году и исчезновения последних остатков Восточной Римской империи Московское княжество, которое к тому времени стало оплотом борьбы русского православного христианства и против мусульман, и против католиков, застенчиво и без лишнего шума приняло на себя византийское наследие»⁶.

Последний шаг к захвату всего византийского наследия, как пишет В. В. Библихин, был сделан, когда старец псковского Трехсвятительского скита Елизарова монастыря в послании к великому князю написал: «Церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси; врата Второго Рима — Константинополя — были изрублены топорами неверных турок; но церковь Московии — Нового Рима — блистает ярче, чем Солнце во всей Вселенной... Два Рима пали, но Третий стоит крепко, а четвертому не бывать».

При Иване III, в его долгое и успешное правление с 1462 по 1505 год, идеология Московского государства как Третьего Рима означала одновременно принятие наследия византийской государственности и размежевание с греховным Римом, с Западом, который впал в ересь, исказив Символ Веры, включив туда неканоническое *filioque*. Спустя 200 лет, «прорубая окно в Европу», Петр I говорил: «Мы возьмем от них все, что надо, а потом повернемся к ним (к Западу. — Г. Г.) задом». Предлагая вместо революционной войны мир с Западом, Ленин, спустя еще 200 лет, говорил: «Как только мы наскребем достаточно денег, чтобы купить у них веревку, мы на этой веревке их повесим»⁷.

Идеологическое противостояние русской государственности западному миру, таким образом, — это наследие Византии. Второй частью этого наследия А. Тойнби считал заимствованный с Запада тоталитаризм русской государственности. В. В. Библихин подверг идею Тойнби тонкой «рихтовке». По его мнению, эту черту русской государственности надо квалифицировать иначе, а именно как *идеологическое государство* или государство единоклассия, политической симфонии — так это называлось в Византии. Тем самым исключается разделение властей. Симфония идет далеко, до единоклассия, до «морально-политического» единства граждан⁸. Подмеченная В. В. Библихиным

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель-налогоплательщик-государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

² См.: Tenbner G. *Laws as an Autopoietic System*. Oxford, 1993.

³ Розанов В. В. *Русская государственность и общество // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков*. М., 2009. С. 610.

⁴ Библихин В. В. *Введение в философию права*. М., 2005. С. 175.

⁵ Библихин В. В. Указ. соч. С. 175.

⁶ Тойнби А. *Византийское наследие России // Тойнби А. Цивилизация перед судом истории*. М.; СПб., 1996. С. 107.

⁷ Библихин В. В. Указ. соч. С. 190.

⁸ Там же.

закономерность действительно присутствовала в русской государственности на протяжении веков. Б. Чичерин, очевидно, вслед за русскими историками объяснял необходимость в централизации власти огромными просторами России и постоянными набегами с Востока¹.

Как заметил Анджей Валицкий, К. Кавелин и Б. Чичерин были основателями так называемой государственной школы российской историографии. Они поддерживали воззрение, что государство в России было более автономным и сильным в своих отношениях с обществом, чем это было на Западе². Тем не менее, признавая своеобразие исторического развития русской государственности, Б. Чичерин считал этот фактор достаточно относительным и поэтому рассматривал русскую историю как вариант именно европейской модели исторического развития³. Благодаря своим ранним трудам Чичерин был известен как убежденный защитник сильной и централизованной государственной власти. Причиной этого он называл не врожденные качества русского характера, а географические и исторические факторы⁴.

Философия русской государственности у В. Библихина — это не привычный для юристов отвлеченный структурный анализ любого позитивного права, который проделал Г. Кельзен в «Чистом учении о праве», а сугубо русская философия права как результат философского синтеза, интеграции исторических знаний, филологических и искусствоведческих методов анализа, и это синкретический подход к русскому праву.

Использованный Библихиным метод познания, как мне кажется, сформировался под влиянием онтологии М. Хайдеггера. Совсем не случайно весьма интересные озарения о природе русского права и власти в России пришли в голову нашему автору — переводчику и интерпретатору Хайдеггера. Это ведь хайдеггеровский совет — уметь присмотреться к вещи, увидеть вещь в себе, ее скрытые возможности. До Хайдеггера классическая онтология, восходящая генеалогически к Платону, исходила из того, что любая вещь является лишь копией вечной и неизменной идеи, которая и определяет вещь *per se*.

В. В. Библихин решил «повернуть взгляд» на мир юридических вещей и проанализировать такое понятие, как «русское право», в качестве коррелята человеческого присутствия в мире сущего. В таком случае вещь должна рассматриваться и не как материальный объект, и не как идея этого предмета. Вещи, по Хайдеггеру, собирают мир, и в этом их подлинная суть, они вызывают всеобщую взаимосвязь. И если право (или вещь) рассматривать с такой, онтологической, точки зрения, то неизбежно приходится обнаружить связь

между современными российскими правом и властью и предшествующими им генетически правом и властью. В орбиту исследования, таким образом, попадают и римское, и византийское право.

В общем-то такой подход к онтологии права вполне допустим. Ведь не случайно в преамбуле Конституции РФ есть очень важные для понимания ее своеобразия слова: «Принимая Конституцию, мы, многонациональный народ России, чтим память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Эти слова не просто возвышенная фраза, патетика, они обладают глубоким юридическим смыслом, это один из инструментов, используемых при толковании Конституции РФ. Что такое «память предков»? Передали ли они нам что-либо, кроме любви и уважения к Отечеству? Есть ли в переданном наследстве *leges*, или речь идет только об этической, а не юридической субстанции? Можно ли вообразить, что с помощью этих важных слов из преамбулы Конституции РФ обозначаются генетические связи права и власти с историческим прошлым страны, которые в силу этого обладают своеобразной силой инерции, постоянно присутствуя в правовом сознании? Не является ли Конституция РФ кодификацией важнейших юридических норм о власти, об устройстве гражданского общества, многие из которых рецептированы из западного конституционного права, а также кодификацией невидимого права, переданного нам прежними поколениями россиян?

Развивая эту гипотезу, можно предположить, что существуют самостоятельные философско-правовые понятия — «правовая реальность» как часть объективного бытия и «реальность права», включая и реальность государства, охватывающие всю совокупность позитивных юридических норм. При этом реальность права (включая нормы государственного права) — это очень грубая модель правовой реальности, редуцированная юриспруденцией. Область правовой реальности — это, помимо юридических, действительных норм, и традиции, и обычаи, то есть то, что может быть названо биюридическими компонентами правовой реальности (плюралистические правовые системы).

Объективная реальность определяет юриспруденцию; последняя частично создает правовую реальность. Объективность правовой реальности сопоставима с окружающей нас природой, вещным миром. Ее объективность исторически выражается в идее естественного права, которое в этом смысле никогда не окажется на свалке идей. Естественное право представляет собой объективную потребность уйти от описанного Гоббсом хаоса и создать государство, порядок. Это и некие ритмы, существующие в природе, которые могут задавать ритмы праву, о которых писал Эрих Фехнер⁵. Поэтому-то как понятие «правовая реальность», так и понятие «естественное право» не относятся к числу чисто юридических понятий⁶.

⁵ Фехнер Э. Философия права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.

⁶ См.: Слободнюк С. Л. Правовая реальность, правосознание и множественность понятийных смыслов // Российский юридический журнал. 2013. № 1.

¹ Последователем этих взглядов Б. Чичерина в современном государствоведении, безусловно, может по праву считаться В. Д. Зорькин, постоянно и последовательно проповедующий в своих трудах идею сильной президентской власти в России.

² Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 150.

³ См.: Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX века (Б. Н. Чичерин). М., 1975. С. 89–96.

⁴ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. М., 1898. Ч. 3 : Политика. С. 403.

Государственность в России постоянно находится под сильным воздействием общественных настроений, формируемых интеллигенцией, часто — очень критических, нередко — незаслуженно критических. Действительно, а почему в русском обществе традиционно присутствует отрицательное отношение ко всему государственному? Почему в среде русской интеллигенции считается за доблесть постоянно противопоставлять себя государству? Или это странное желание проповедовать любовь к Родине «враждебным словом отрицания» (Некрасов)? На это поразительное явление общественного сознания в России обратил внимание В. В. Розанов в статье «Русская государственность и общество». Первая Государственная дума, замечал В. В. Розанов, не пошла по государственному пути, не выразила в себе государственного духа. Как в чаду, она накинута на русскую государственность.

Н. Н. Алексеев вспоминал, что Рождество 1908 года он праздновал в Ясной Поляне, будучи воспитателем внука Льва Николаевича Толстого. Сидя с ним за одним столом, Толстой вдруг громко и строго спросил: «Николай Николаевич! Сидели ли Вы в тюрьме?» Вопрос этот привел молодого правоведа-гувернера в большое замешательство. Некоторое время он не знал, что ответить, но затем так же громко сказал: «Сидел, Лев Николаевич, в Бутырской тюрьме шесть месяцев». «Вот видите, — заключил Лев Николаевич, — у нас в России все порядочные люди сидели, а я не сидел — хорошо!»

И почему именно Россия оказалась родиной знаменитых анархистов и марксистов, которые были очень близки в своем маниакальном стремлении уничтожить государственность?

Постоянным, определяющим настроением народа является убежденность в том, что российская политическая действительность хуже европейской, что наши политические «газоны» не так хороши.

У М. К. Мамардашвили в его «Эстетике мышления» содержится глубокая мысль о «ситуации, когда уже поздно». Эта социально-политическая метафора означает, что для россиян «слишком поздно и нельзя быть гражданами демократического устройства, захотеть и быть ими»¹. Поздно стать членами современного демократического общества, то есть просто захотеть и быть ими. Поздно, если уже не были. В этом, говорит Мамардашвили, вся дилемма. Гражданами демократического общества являются не граждане Европы, которые уже добрую тысячу лет являются таковыми. В отличие от нас, они уже в традиции. Это не ответ на вопрос о том, что делать и чего не делать. Но это элемент бытия, правовой действительности, объективной и безжалостной.

Общественное сознание россиян зафиксировало некую ущербность российской государственности. А В. В. Библихин описывал такую закономерность как «теснящую близость неведомого рая». Это о факторе соседства с цивилизованной европейской государственностью. Библихин пишет о том, что нас теснит присутствие того, от чего мы бесконечно далеки. В уверенности, что мы опоздали к сотворению мира, наша

¹ Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М., 2000. С. 65.

основная опора. Мы твердо знаем, что то, чем мы всегда обделены, нас не подведет.

Эта «теснящая близость неведомого рая» — не религиозное рассуждение, поскольку речь идет об онтологии права. Речь, с моей точки зрения, идет о взаимоотношениях со сложившимся со времен римского права европейским правопорядком, о потребности в рецепции европейских конституционно-правовых ценностей и в постоянном их отбрасывании. Силы притяжения и отталкивания, как в физическом мире, постоянно находятся в состоянии равновесия.

Российское государство стремится быть вместе с Европой и вместе с тем учитывает, что европейский рай пока еще недостижим.

Вот что такое «теснящая близость неведомого рая»!

Может, это происходит потому, что Россия, в отличие от Византии, смогла справиться с восточной стихией, а потому является наследницей не только Византии, но и Золотой Орды. Это стало возможно, как считает В. В. Библихин, из-за «интимности» сложившихся у Москвы отношений с восточной силой: Москва вообрала ее в себя, присвоила себе ее приемы. По формуле Н. Бердяева, Москва — это христианизированное татарское царство.

В завершение попытаемся сформулировать краткие обобщающие тезисы, проецируя их на современное Российское государство, и назвать основные вызовы.

1. Идеи Н. Н. Алексеева о необходимости гармоничного соотношения двух моментов в жизни каждого государства — постоянного и подвижного, о необходимости постоянных целей и принципов государственной деятельности² способны помочь в решении проблемы гибкости или жесткости конституционной основы государства в России. Можно ли часто менять Конституцию? На мой взгляд, должен состояться гносеологический выбор: либо мы признаем, что есть некие непоколебимые истины в устройстве государственности, и тогда необходимо защищать эти «вечные истины, вечно настоящие, обязательные для всех времен»³; либо делаем выбор в пользу ветренности эллинов и действуем, исходя из того, что ничего вечного в политике и государственности нет⁴.

2. Насколько важен фактор культурного, исторического релятивизма? Действительно ли Россия самобытна или это «вечнозеленый миф»? Существуют ли какие-то универсальные представления о правах человека и налагаемых ими ограничениях на суверенную государственную власть? Если да, то признание их было бы сильным аргументом против крайних форм проявления культурного релятивизма. Или же мы в России, развивая свою государственность, должны учитывать устойчивый социокультурный тип отношений государства и личности, сложившийся в России, устойчивую национальную политическую культуру? Это одна из основных мировоззренческих проблем, отражающая одно из главных противоречий в развитии русской

² См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 13.

³ См.: Спекторский Е. В. Что такое конституция? М., 1917. С. 10.

⁴ О ветреном духе, присущем афинянам. См.: Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 53.

государственности: то ли мы признаем наличие мирового права и, как сказано в преамбуле нашей Конституции, «сознаем себя частью мирового сообщества», то ли мы будем отстаивать приоритет культурного релятивизма («чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» — это тоже из преамбулы Конституции!).

3. Верно ли убеждение Н. Н. Алексеева о том, что «царь более обязан, чем все его подданные»? Действительно ли в России должно быть государство «политической симфонии» и по-прежнему надо полагаться на то, что небеса будут благосклонны к России и царь, василевс, окажется на уровне предъявляемых к нему высоких нравственных требований? Или же надо укреплять все институты государства равномерно?

4. Одним из самых сложных вызовов современному русскому государству является стихия частной собственности, вырвавшаяся из-под контроля. После приватизации государственной собственности появилась экономическая власть, которая испытывает на прочность государственные институты. Надо ли придерживаться лозунга «Государство должно обеспечивать неприкосновенность награбленной частной собственности» или же необходимо искать способы ее легитимации?

5. Один из самых трудных вызовов современному государству в России — это потребность в укреплении доверия к нему. Эта цель означает серьезную корректировку философии государства, особенно в его имущественных отношениях с частными лицами.